

Священник Георгий Безик

Влияние военного духовенства на результаты военных действий в Первой мировой войне

DOI 10.47132/1814-5574_2020_5_145

Аннотация: Подвижничество, служение, личные подвиги и жертвы военного духовенства в Первой мировой войне не предотвратили развал Российской армии в годы Первой мировой войны. На фоне быстрого расцерковления русской жизни и ухудшения фронтовой и политической ситуации усилия военного духовенства были обречены. Действуя по своей глубокой вере, чувствуя ответственность за духовное состояние солдат и офицеров, русские военные священники на фронтах войны проявляли личную храбрость и героизм, оцененные боевыми наградами, но они не могли переломить негативного развития ситуации на фронтах, которая усугублялась ситуацией в тылу, слабостью командования, военным бюрократизмом. Священнику не позволялось затрагивать политические темы, что существенно ослабило противодействие радикальной социалистической пропаганде. Февральская революция подорвала институциональные основы института военных священников, которые стали быстро терять и без того узкие возможности влияния на ситуацию в воинских частях. Официальная позиция Церкви о продолжении войны вступила в неразрешимое противоречие с настроениями солдатской массы и большинства населения, на священников начались гонения. Выполнив свой долг, пусть и не оказав стратегического влияния на ход боевых действий, они продемонстрировали верность вере и патриотическому долгу.

Ключевые слова: Первая мировая война, военное духовенство, Церковь, протопресвитер Г. Шавельский, Поместный собор, 1914 год, 1917 год, армия, Российская империя, Священный Синод.

Об авторе: **Священник Георгий Иванович Безик**

Кандидат военных наук; священник храма преподобного Андрея Рублева в Раменках г. Москвы; докторант кафедры Внешних церковных связей и общественных наук Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

E-mail: bezikgeorgii@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5355-2787>

Ссылка на статью: Безик Г., *прот.* Влияние военного духовенства на результаты военных действий в Первой мировой войне // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 145–157.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 5

2020

Priest Georgiy Bezik

The Influence of the Military Priesthood
on the Results of Military Operations in World War I

DOI 10.47132/1814-5574_2020_5_145

Abstract: The ascetic service, personal exploits and offerings of the military priesthood in World War I did not prevent the collapse of the Russian army during this war. Against the backdrop of the rapid secularization of Russian life and the deterioration of the situation on the battlefield and political situation at home, the efforts of the military clergy were doomed. Acting on their deep faith, feeling responsibility for the state of the souls of soldiers and officers, Russian military priests on the war fronts showed personal courage and heroism, were decorated with military awards, but could not reverse the negative development of the situation on the battlefield, which was aggravated by the situation in the rear, the weakness of command, and military bureaucracy. The priest was not allowed to touch on political topics, which significantly weakened his opposition to radical socialist propaganda. The February Revolution undermined the institutional foundations of the institution of military priests, who began to quickly lose the already narrow possibilities of influence on the situation in military units. The Church's official position on the continuation of the war came into insoluble conflict with the sentiments of the soldier masses and most of the people; persecutions began against the priests. Having fulfilled their duty, even if they did not exert a strategic influence on the course of hostilities, military clergy demonstrated loyalty to their faith and patriotic duty.

Keywords: World War I, military priesthood, Church, G. Shavel'sky, Local Council, 1914, 1917, army, Russian Empire, Holy Synod.

About the author: Priest Georgiy Ivanovich Bezik

Candidate of Military Sciences; Clergyman of the Church of St. Andrei Rublev in Ramenki, Moscow; Doctoral student at the Department of External Church Relations and Social Sciences at the Sts. Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies.

E-mail: bezikgeorgii@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5355-2787>

Article link: Bezik G., priest. The Influence of the Military Priesthood on the Results of Military Operations in World War I. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 5, pp. 145–157.

Введение

Полагая идущую мировую войну «великой отечественной», С. Г. Рункевич относил ее к мировым явлениям, с момента своей действительности переходящим «на страницы исторического своего значения». При этом церковную жизнь в обстановке этой войны автор, «благодаря высокопатриотической деятельности церковных учреждений и организаций», считал бесспорно выдающейся [Рункевич, 1916, 3]. Согласившись с первой частью оценки, позволим себе уточнить вторую. Вопрос, поставленный в заголовке настоящей статьи, уже неоднократно рассматривался в современной литературе и получил, в целом, однозначный ответ, состоящий в том, что, несмотря на большое число великих подвигов и массовые жертвы среди военного духовенства, оно не смогло ни преодолеть разлагающее влияние революционной пропаганды, ни помешать развалу русской армии и государственного строя [Кострюков, 2005, 29]. С этой оценкой сложно не согласиться, однако ограничивать причины развала армии только лишь революционной пропагандой, т. е. субъективным фактором, который начал активно действовать в основном в 1917 г., было бы с позиции современного знания о событиях тех лет не вполне объективным.

Исследование

Начнем с того, что предвоенная Россия столкнулась с начавшимся еще в начале XX в. «заметным расцерковлением русской жизни» [Горянов, 2014, 66], которое после первой русской революции с тревогой признавали наиболее дальновидные священнослужители. Этот процесс шел не только на фронте. В качестве примера новой реальности Поместный Собор привел случай в Орловской губернии, где грабители убили священника и, забрав деньги, бежали, а собравшаяся по набату паства, вместо того чтобы броситься вдогонку, «принялась растаскивать все оставшееся после грабителей имущество осиротевшей матушки». Собор признал, что не только лишь «отщепенцы человеческого общества», а и «целые деревни могут постепенно обращаться в злодеев» [Священный Собор, 1918, 7]. Нечто подобное, по мере затягивания войны, все чаще происходило и на фронте.

В 1914 г. военные пастыри приступили к тяжелой работе, сложность которой состояла не только (а в завершающий период войны и не столько) в противостоянии врагу, сколько в катастрофически падающем моральном состоянии российской армии. Известно, что уже первая мобилизация проходила на фоне массовых пьяных погромов и беспорядков по всей стране. Их природу сегодня объясняют проявлениями крестьянского самосознания, которое на фоне призыва в армию и введения сухого закона актуализировало традиционные типы массового поведения [Букалова, 2006]. Принимая во внимание, что крестьяне традиционно считались ревностными прихожанами, этого не должно было произойти, но именно этот контингент попал в армию и именно с ним предстояло работать военным священникам. По прошествии первых месяцев патриотического подъема стало ясно, что вести пасторскую работу с мобилизованной массой, пришедшей в армию, будет чрезвычайно сложно.

В начале войны было очевидно, что у России один враг — Германия и её союзники. 1(14) сентября 1914 г. под г. Августов (Восточная Польша) войскам явилась Пресвятая Богородица, держа на левой руке Богомладенца, а правой указывая на Запад, источник опасности [Филиппов, 2009]. В то же время уже очень скоро стало ясно, что основная опасность, угрожающая стране, — не на Западе, а на Востоке, в тылу.

Генерал П. Н. Краснов вспоминал, что уже в 1914 г. число дезертиров достигало десятков тысяч [Краснов, 1999, 165]. Неся службу в 163-м пехотном полку, еп. Трифон (Туркестанов) отмечал в войсках «страшное пьянство, мародерство, грабежи» и изнасилования, в том числе и со стороны казаков [Туркестанов, 1999, 147–148], а также самострелы. К 1917 г. число таких свидетельств умножилось. Летом 1917 г. генералы

вынуждены были констатировать, что армия превратилась в вооруженную толпу, которая была опасна прежде всего для своего народа, а не для врага [Кострюков, 2005, 28]. Показательно, что первым православным священнослужителем, погибшим в годы Гражданской войны, стал прот. И. А. Кочуров. Поместный Собор в специальном послании по поводу его убийства возмущался фактом, что священник погиб «не в чужеземной Америке», а в России «на чреде апостольского служения родному народу», причем «не от руки иноверных врагов, а от братской руки своего же русского солдата» [Священный Собор].

Почему стало возможным такое? С начала XX в. при российском императорском дворе, а также, под влиянием официальной позиции, в большей части общества культивировалась убежденность в незыблемости самодержавия, государства и народной веры в Бога. Николай II верил в наличие «единородной, единокоренной, крепкой как стена гранитная, армии моей», благословляя воинство «на труд ратный» [Правительственный вестник, 1914]. Тех, кто еще до войны предупреждал о грозящих опасностях, конструктивно критиковал пороки общества, политической и военной системы, начальство не жаловало. Как отмечал генерал П. Залесский, в почете были те, кто умел бодро и оптимистично рапортовать о повсеместном благополучии [Залесский, 1995, 156].

«Вплоть до уже наступившей катастрофы, — отмечал протопресв. Г. Шавельский, — звучал хор голосов, убежденных в прочности и крепости режима и веры. Мало кто верил, что некая сила способна не то что разрушить, а даже поколебать вековые „основы“». «Массив государства и Церкви» создавал иллюзию внешнего величия, которая маскировала «тлю, которая давно завелась внутри них, и медленно, но верно подтачивала их организмы» [Шавельский, 1996]. В армии также предпочитали не видеть кризиса, не усиливая просветительскую деятельность военного духовенства. Официально считалось, что «христоролюбивое воинство» по-прежнему является надежной опорой.

Традиционно в России военное духовенство никогда заранее не разрабатывало и не имело никаких специальных планов работы. Каждый священник руководствовался своим личным убеждением и усмотрением [Горянов, 2014, 66], что всегда считалось нормальным. Таким образом, ни военное духовенство, ни военное руководство перед Первой мировой войной не имели никакой согласованной между собой и отвечающей требованиям времени, настроениям масс и ситуации в мире концепции воспитательной и патриотической работы с личным составом. Они полагали действовать старыми методами, т. е. эмпирически, по обстановке, полагаясь на личную инициативу преданных вере и своему делу священников. Проблема состояла в том, что действовать им пришлось не в патриархальной Руси, а в принципиально новой обстановке первого глобального вооруженного противостояния, которое послужило мощным катализатором распространения радикальных и антиклерикальных идей.

Из воспоминаний современников видно, что многие военные священники, готовые служить, не вполне понимали, где точно им надлежит быть — на передовой, на перевязочном или командном пунктах либо в обозе. Исправить ситуацию было призвано постановление Св. Синода № 6502 (июль 1914 г.), но оно касалось в основном содействия армии в тылу. Полезной в этом плане стала инструкция, разработанная первым и единственным Съездом военного духовенства. После ее принятия деятельность военных пастырей была упорядочена. В этом смысле уже в своих воспоминаниях протопресв. Г. Шавельский мог с полным основанием подвести итог: за весь период существования российского военного духовенства на эту войну оно первый раз отправлялось «с совершенно определенным планом работы и с точным пониманием обязанностей священника в разных положениях и случаях... в бою и вне боя, в госпитале, в санитарном поезде и пр.». Протопресвитер замечал, что, «по общему признанию, в эту войну духовенство работало как никогда раньше» [Шавельский, 1996, I].

В организационном плане это было действительно так, служебные обязанности были наконец-то регламентированы, однако разработанная совместно с военными

и иными заинтересованными сторонами концепция поддержания патриотизма, веры, противодействия радикальным идеям, превенции противоправного поведения военнослужащих отсутствовала. В начале XX в. силы одной лишь молитвы и даже лично-примера военного священника, как показали дальнейшие события, было уже недостаточно для солдатской и офицерской массы, стремительно терявшей веру не только в Бога, но и в большинство традиционных ценностей.

В оценке военного духовенства в годы Первой мировой войны принято ссылаться на официальные данные, воспоминания религиозных деятелей и военных. По официальной церковной статистике, на полях войны погибли и умерли от ран свыше 30 священников, свыше 400 были ранены и контужены, свыше 100 были захвачены в плен. Все это свидетельствует о том, что военные пастыри не прятались в обозах, а были на передовой, с солдатами. За годы войны за проявленное мужество 14 военных священников были награждены офицерскими Георгиевскими крестами IV степени. За весь предыдущий период таких награждений священников было всего четыре. Также за период войны священники были награждены 227 золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте, 85 орденами св. Владимира III степени с мечами, 203 орденами IV степени, 643 орденами св. Анны II и III степеней с мечами [Новиков, 1992, 60].

Приведем несколько примеров. 16 октября 1914 г. героически погиб корабельный священник линейного заградителя «Прут», иеромонах Бугульминского монастыря 70-летний старец Антоний (Смирнов), отказавшийся покидать тонущее судно. Уступив свое место в шлюпке матросу, он остался на палубе, осеняя святым крестом паству, которая боролась за спасение экипажа [Беляков, 2008, 241–242].

Священник 154-го Дербентского полка П. И. Смирнов сумел вдохновить солдат и офицеров, которые добились важного тактического успеха, за что пастырь был удостоен орденом св. Георгия IV степени. В самом начале войны священник 58-го Пращского полка П. Холодный, находясь в Галиции, сопровождаемая в дороге полкового врача и младшего офицера, попал в австрийскую засаду. Вместо того чтобы самому оказаться в плену, пастырь убедил солдат врага (чехов и угорусов) сдать в плен, за что был (первым из военных пастырей) награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте. В праздник Богоявления прот. А. П. Холмогоров, после Божественной литургии при штабе дивизии, в мороз вышел на передовую, духовно утешая свою паству в окопах. Попав под обстрел, священник продолжал окроплять бойцов иорданской водой, был предупрежден офицером об опасности, но продолжал свое дело, был тяжело ранен и вскоре умер [Горянов, 2014, 67].

Легендой войны стал о. Сергей Соколовский, награжденный орденом св. Георгия не за определенный подвиг, как это делалось обычно, а за свою ставшую легендой личную храбрость [Капков, 2012, 683]. С 1900 г. отец Сергей был на военно-пастырской службе, в Русско-японской войне награжден двумя орденами. В Первой мировой, будучи священником 7-го Финляндского стрелкового полка, трижды был ранен, потерял кисть правой руки. О. Сергей с командой добровольцев лично успешно руководил на австрийском фронте операцией по расчистке проволочных заграждений.

Священник Особого пехотного полка Н. Богоявленский 8 декабря 1916 г., находясь в провинции Шампань (Франция), успешно руководил вылазкой группы добровольцев на позиции неприятеля для захвата пленных. По рассказам очевидцев, священник, всегда шедший первым, а возвращавшийся последним, был тяжело ранен, но был спасен переливанием крови французского санитаря М. Потье, хотя и потерял правую руку. За героизм о. Николай был награжден орденом Почетного легиона и Военным крестом. Более подробно многочисленные подвиги российского военного духовенства описаны в работе К. Горянова [Горянов, 2014].

Личный пример военных священников, совершавших подвиги, вдохновлял солдат. В то же время отношения священства с командованием складывались подчас непросто.

Обратим внимание, что протопресв. Г. Шавельский «по совести» вспоминал о большинстве самых лестных отзывов о работе военных священников, как от начальствующих лиц, так и от рядовых офицеров, указывая, впрочем, и на исключения.

В то же время о деятельности военного духовенства на театре военных действий из воспоминаний протопресвитера в современной церковной литературе принято приводить «блестящие отзывы от обоих Верховных Главнокомандующих». Первый из них — отзыв Николая II (конец 1916 г.), второй — великого князя Николая Николаевича (1915 г.) [Шавельский, 1996, I]. Отзывы командиров другого уровня (как и отзывы о них военных священников) существенно отличались от высочайших, что, впрочем, признавал и сам протопресв. Г. Шавельский. И дело было не в нерадении военных пасторов, а в характере русской военной системы, игнорировании частью командиров важнейшей роли института военного пасторского служения.

А. А. Кострюков называет нехватку священников «одной из основных причин того, что духовенство не справилось с развалом армии в 1917 г.» [Кострюков, 2005, 154], с чем можно согласиться лишь отчасти, так как развал армии был предопределен объективными факторами, на которые Церковь не могла оказать решающего влияния. Кроме того, традиционные подходы к особенностям военного пасторского служения делали решающим фактором личные качества священников, которых действительно не хватало в действующих частях.

Протопресвитер Г. Шавельский указывал на то, что штаты военных священников финансировались по остаточному принципу и первыми попадали под «экономия» [Шавельский, 1996, I]. Повторялась ситуация Русско-японской войны, когда в войсках их остро не хватало. В действующем полку (до 2000 штыков) служил один военный священник [Епанчин, 1996, 363], тогда как по гражданским приходским нормам один православный священник служил в приходе из 850–900 прихожан [Фирсов, 600]. Военный пастырь помимо своего полка, как правило, окормлял и другие части. Во флоте команда составляла до 500 человек, а пастыри были не на всех кораблях. Кроме того, матросы, набиравшиеся, как правило, из рабочих, были в большей степени подвержены революционной пропаганде и требовали большего внимания.

Прежде чем перейти к оценке влияния военного духовенства на результаты военных действий в Первой мировой войне, определимся с методологией оценки.

В большинстве научных трудов, посвященных участию военного духовенства в боевых действиях, речь идет в основном о пасторской миссии или о личных подвигах, т. е. вопрос о влиянии на боевые результаты ранее не ставился. Во многом это связано со сложностью выбора методологии для такой оценки.

Во-первых, это связано с тем, что Первая мировая война закончилась для России военно-политической катастрофой, что предопределяет «поражение» всех, кто в ней участвовал: армии, государства, традиционного российского общества. В этой связи было бы сложно вести речь об успехах военного духовенства, его влиянии на результаты военных действий, которые в итоге оказались тяжелым и позорным поражением. Роль Церкви в войне, как обоснованно указывает К. Горянов, следует считать «составляющей и русской победы, и русского поражения» [Горянов, 2014].

В военном деле, по набору традиционных критериев, принято давать оценки полководцам и военачальникам, войсковым соединениям, отдельным военнослужащим, выполнившим или не выполнившим поставленные перед ними задачи. В данном случае все они, действуя в пределах своих полномочий, с разной степенью эффективности задействовали силы и средства для достижения победы над врагом, проявляли полководческий и организаторский талант, оперативное мышление и личную храбрость. Все эти качества могут быть оценены (в том числе системой наград и званий) и соотнесены между собой. Действия военного священника оценить существенно сложнее, так как он, во-первых, использует лишь силу веры, знания, убеждения, подход к солдату, которые не поддаются измерению, а во-вторых, результат его работы всегда проявляется косвенно и нередко — не сразу.

Относительно проще было оценить такой вклад в Средние века, когда известные подвижники веры напутствовали войско, поднимая его боевой дух, на определенную битву, результат которой становился ясен, как правило, в тот же день. В условиях многолетней окопной войны такой результат было выявить значительно сложнее. В этой

связи оценка влияния военных священников на боевые действия в описываемый период в трудах историков или отсутствовала, или была фрагментарной.

Существенно усложняет задачу и то, что история Первой мировой войны, как «империалистической», длительное время находилась в тени и не изучалась светскими гражданами и военными историками. Современные российские исследователи относят к основным направлениям деятельности военного духовенства «пастырскую и духовно-просветительскую работу», полагая их вневременными [Фурсов, Ледовских, 2014, 62–65].

Для того чтобы показать влияние военного духовенства на результаты боевых действий в Первой мировой войне, следует, прежде всего, выяснить статус этой группы духовенства, т. е. понять, могло ли оно оказывать такое влияние, и если да, то какими инструментами, и могло ли такое влияние оказывать содействие боевым результатам.

Здесь сразу следует отметить определенное отставание России в формировании и оформлении института военного духовенства. В большинстве армий, противостоявших в Первой мировой войне, было организовано пастырское служение. В частности, в вооруженных силах Австро-Венгрии еще с 1869 г. существовала такая система, включая 17 военных приходов, где служили римо- и греко-католические военные капелланы. Руководство военно-духовной службой осуществлял Фельдвикариат во главе с полевым епископом, также выполнявшим функции представителя Церкви при военном министерстве.

При штабах армий этой работой руководили фельдсупериоры, стоявшие над младшими (полевыми) духовными чинами — фельдкуратами. Отдельно при военных госпиталях служили капелланы. Таким образом, структура духовной службы в австро-венгерской армии соответствовала как административному делению Церкви (епископат — деканаты — приходы), так и структуре военного управления.

Принимая во внимание многонациональный и многоконфессиональный состав армии Австро-Венгрии, фельдкураты административно подчинялись римо-католическому епископу, тогда как в вопросах веры и служения — греко-католическим епископам епархий, откуда их призывали. Имея чин капитана либо майора, они носили военную форму без знаков отличий. Также в австро-венгерской армии служили и православные священники, духовно подчинявшиеся румынским православным митрополитам, а также военные имамы и раввины. Примечательно, что капелланам, помимо пастырского служения, были делегированы некоторые военно-учетные и гуманитарные полномочия: учет метрик погибших в боях, умерших от ран в госпиталях, военных захоронений, соблюдение протокола военных похорон и т. д. Как известно, Австро-Венгрия, потерпев поражение в войне, перестала существовать как государство. В этой связи роль военных капелланов не акцентировалась в австрийской и венгерской литературе, а сам институт был в значительной степени дискредитирован художественным образом оберфельдкурата Каца в получившем мировое признание романе Ярослава Гашека о бравом солдате Швейке. Институализация военного пасторского служения в России началась относительно поздно.

Благодаря тому, что в 1880-х гг. военное и морское духовенство были объединены, в 1890 г. — высочайше утверждено «Положение об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств», учреждено звание протопресвитера военного и морского духовенства, а также принята Инструкция обязанностей военного священника на поле боя и в тылу, структура и нормативная основа военного духовенства в русской армии была, в целом, сформирована. Созданная структура касалась исключительно православного духовенства. В то же время в предвоенный и военный период удалось наладить взаимодействие между российскими религиозными конфессиями. Главный московский раввин Я. И. Мазе контактировал с протопресв. Г. И. Шавельским, также всесторонне содействуя делу защиты Отечества.

Протопресвитер военного и морского духовенства получил статус генерал-лейтенанта, главные священники округов, соответственно, статус генерал-майора и т. д.

Статус высшего военного духовенства в годы войны был максимальным для армии. Так, протопресв. Г. И. Шавельский имел право присутствия на Военном совете в Ставке Верховного Главнокомандующего (СВГ), а также, наряду с первым обер-священником армии и флота П. Я. Озерецковским, — право личного доклада императору.

В то же время, несмотря на сформированную институциональную основу, протопресв. Г. И. Шавельский понимал, что вопросы жизни и служения военных священников, в том числе в ожидавшейся войне, требуют коллективного обсуждения и уточнения. В своих воспоминаниях протопресвитер, ссылаясь на личный опыт в Русско-японской войне, пояснял, что тогда каждый священник решал вопросы служения на войне «по-своему, иногда неразумно и дико». Поиск оптимального пути и формализация священнических полномочий на войне имели, по оценке протопресв. Г. И. Шавельского, «огромное значение» как для военного духовенства, так и для общества.

В целом ситуация выглядела парадоксально. При наличии поддержки государства и актуальной, только что сформированной институциональной основы, служебный статус военного духовенства все же оставался «совершенно неясным» [Шавельский, 1996, I]. Исходя из упомянутой протопресв. Г. И. Шавельским задачи обсудить его, выход был найден на прошедшем непосредственно перед войной, в июле 1914 г., Первом Всероссийском съезде военного и морского духовенства, который включил в перечень обязанностей военного духовенства, кроме профильных священнических, также и комплекс гуманитарных вопросов. Это были задачи содействия санитарам и врачам, эвакуационным командам, функции извещения родных и близких погибших военнослужащих, организации обществ помощи инвалидам, организации в войсках библиотек, а также ухода за воинскими кладбищами [Леонтьева, 2014, 104–119].

Однако и после этого в правовом и служебном положении русского военного священника по-прежнему оставалось много недоработок. В армии как бюрократической системе пастырь считался не более чем гражданским чиновником, от которого требовались в основном бодрые отчеты о состоянии боевого духа окормляемого подразделения, что неизбежно порождало формализм.

Устав обязывал солдат отдавать честь священнику лишь своего полка, но, в то же время, любому офицеру, что формировало приниженное положение военного священника. Устав внутренней службы не предусматривал в войсках утреннюю молитву, соблюдение постов, которые соблюдались частично и не везде [Росляков, 1914, 840].

Военный священник был со всех сторон «обложен» циркулярами и разного рода разъяснениями военного начальства. Бесправие военного пастыря активно обсуждалось на Первом съезде военного и морского духовенства [Первый Всероссийский съезд, 1914, 562], который указал священникам отстаивать свои полномочия перед военным начальством, что вызывало у последнего раздражение. Командование стремилось удалить из части излишне радеющего священника, который не боялся говорить правду и указать на недостатки. Как правило, таких «неуживчивых» пастырей в результате бюрократических процедур переводили в «медвежьи углы».

Еще перед войной свящ. И. Островский удивительно точно подметил, что *de jure* военный пастырь облечен всей полнотой духовной власти в части, однако в действительности, т. е. *de facto*, он безгласен, безволен, бесправен и подавлен начальством и офицерской средой, что, как правило, вело к подчинению священника этой среде, попустительству в ущерб интересам Церкви и духовным нуждам военной пасты, а то и к заискиваниям и унижениям перед военным начальством, что не могло не умалять достоинство и авторитет священного сана. Военные начальники нередко требовали особых церковных привилегий и почитания, вводили цензуру проповеди, считая себя начальством над священниками. С началом войны ситуация в войсках для священников существенно усугубилась, что сокращало их возможности влиять на боевой дух пасты.

Фактически русский военный священник был поставлен перед выбором: служить тихо, угождая военному начальству, оставаясь у него на хорошем счету, получая

награды и благодарности, либо занимать принципиальную, активную пастырскую позицию, невзирая на мнение командования, но попасть за это под немилость и даже гонения. Духовный, принципиальный и активный пастырь не всегда вписывался в офицерскую среду в начале войны, а тем более в ее конце, когда от кадрового корпуса осталось не более 5%.

В этих условиях, как обосновано отметил А. А. Кострюков, военное начальство сознательно либо несознательно препятствовало духовной деятельности военного духовенства [Кострюков, 2005, 143–198]. В своих рапортах священники писали из частей о том, что военное начальство не только не содействует пастырскому влиянию на солдат, но нередко и просто блокирует религиозно-нравственную деятельность священника, заменяя духовные мероприятия по своему усмотрению, постную пищу — скромной и т. п.

Эта вошло в практику еще до Первой мировой войны. Так, священников возмущал запрет нижним чинам на вступление в брак при разрешении военным начальством свободного посещения публичных домов. На дуэли, на которые Церковь обоснованно смотрела как на грех против шестой заповеди и как на убийство, военное начальство смотрело чуть ли не благосклонно. В такой ситуации пастырские наставления и беседы вряд ли могли доходить до солдат [Чимаров, 1998, 136–137].

Находившимся в тисках русской военной бюрократической машины священникам сложно было осуществлять патриотическое воспитание в обстановке роста радикальной социалистической пропаганды. Согласно высочайшему приказу 1913 г., воинским чинам запрещалось вести обсуждение актуальных политических вопросов. В рамках соблюдения этого приказа перед Первой мировой военное начальство старалось избегать пропаганды здорового патриотизма, разъяснения целей и задач предстоящей войны. Политические занятия и беседы не проводились, поэтому солдаты имели смутное представление о славянском вопросе, о противодействии германской экспансии, о геополитической ситуации в Европе и т. д.

В русской армии до 1917 г. не было «комиссаров» и «замполитов», и эти вопросы могли бы разъяснять военные священники, но они, однако, в соответствии с Уставом внутренней службы, были не вправе вести политические беседы.

В соответствии с Уставом (приложение 14 к ст. 3), священник должен был укреплять у солдат лишь слепое повиновение начальству, «внушая нижним чинам, что сущность убеждений всех чинов ея выражается в присяге и исполнении воли Царской, передаваемой через начальников» [Устав внутренней службы, 1916, 351]. Такой подход исключал как сознательное отношение к службе, воинскому долгу, защите Родины, так и меры идеологической превенции радикальной пропаганды. Что мог противопоставить ей священник, которому запрещено затрагивать политические темы?

Как это ни парадоксально, но русские военные священники наиболее высоко оценивали командиров-мусульман, протестантов или католиков, которые не вмешивались в религиозные вопросы и давали работать. Православные военачальники, особенно ревностно, по их собственному мнению, верующие, были проблемой для полевого пастыря, так как подминали его под себя, вмешивались в полномочия священника, фактически отстраняя его от паствы. На фронтах командиры, как правило, слабо или совсем не содействовали священнику, приказывая излишне «не затруднять бедных солдат частыми беседами» и на всякий случай не раздавать им религиозные и нравственные издания.

Февральская революция подорвала положение и авторитет священников в армии. Временное правительство, ориентируясь на продолжение войны, по инерции содержало до пяти тысяч военных пастырей, параллельно направляя в армию разного рода комиссаров и агитаторов, которые прямо призывали «не слушать попов». Таким образом, русские военные священники на фронтах Первой мировой войны противостояли не только врагу и пропагандистам, но и военной бюрократической машине, кастовому настрою офицеров, нарастающему недоверию и неприятию солдатской массы. Все это не давало возможности результативно воздействовать на паству.

Был ли эффективен институт русского военного духовенства с точки зрения результатов войны? Ответ на этот вопрос неоднозначен по оценкам военных, самого духовенства, русских (в эмиграции), светских и церковных историков. Так, А. И. Деникин указывал не просто на умолкание пасторского голоса «с первых же дней революции», а на полное прекращение «всякого участия» военного духовенства «в жизни войск». Резкой критике генерал подверг съезды духовенства, как в Ставке, так и в штабах армий, полагая, что они «не имели никакого реального значения». В целом А. И. Деникин приходил к выводу о том, что военное духовенство так и не наладило «прочной связи с войсками» [Деникин, 2002, 7]. О том же в своих воспоминаниях писал и генерал Н. Епанчин, отмечая, что в период войны военные священники не сумели создать прочную связь ни с офицерами, ни с солдатами [Епанчин, 1996, 362]. Причин и оснований для столь категорических суждений и такого положения вещей мемуаристы не приводят.

После Февральской революции, когда Церковь получила свободу и приступила к решению накопившихся за несколько столетий организационных проблем, внимание к военному служению сократилось. Поместный Собор 1917–1918 гг. фактически никак не откликнулся на ситуацию в армии, упоминая «русское воинство» лишь в контексте участия армии во внутривойсковом конфликте. Епископ Астраханский Митрофан в своем заключительном слове 28 октября 1917 г. аргументировал невозможность отложения восстановления патриаршества тем, что «Россия горит, всё гибнет», что соответствовало действительности. Он говорил о необходимости «орудия для собирания и объединения Руси», указывая, что когда «идёт война, нужен единый вождь, без которого воинство идет вразброд» [Священный Собор, 1918, 6], но речь здесь шла, прежде всего, о начинавшейся Гражданской войне.

Начиная с лета 1917 г. обстановка в стране была такова, что, как обоснованно отмечает А. А. Кострюков, в таких условиях давать какие-либо пастырские наставления и вести проповедь «оказывалось совершенно невозможным» [Кострюков, 30]. Изнурительная длительность войны, нерешенность основных социально-экономических вопросов и деятельность левых агитаторов революционизировали солдатскую массу, православные чувства и вера которой оказались на поверку эфемерными и быстро улетучились.

Солдаты откровенно враждебно воспринимали «поповские басни», провоцировали священников, «правда» которых уже не была таковой для солдат. «Слушая твою правду, — отмечал прот. В. Свенцицкий, — солдат, прежде всего, интересовался не правдой как таковой, а почему и зачем она произносится, ища в ней „корыстные“ „поповские“ цели, что порождало недоверие и грубость».

Церковь твердо стояла на позиции продолжения войны, что противоречило настроениям солдатской массы и вызывало ее озлобление. Солдаты участвовали в убийстве в Царском Селе прот. И. Кочурова и обещали «перевешать попов» [Митрофанов, 2017, 67].

Некоторые военные священники видели причину такого отношения в том, что пастырь появлялся перед солдатами не в рясе, а в военной форме. Уже с весны 1917 г. военные священники стали опасаться за свою жизнь, настолько негативным было отношение солдатской массы, об осторожности предупреждали и офицеры. В мае 1917 г. прот. И. А. Голубев, имевший 25-летний стаж военного священника и думавший о том, что ему удалось «узнать душу русского солдата и говорить с ним», убедился в ошибочности своей оценки. Теперь проповеди проходили под крики: «Черт кудлатый! Водолаз! Хочешь воевать, бери винтовку и войой». Солдат интересовало не спасение души и другие религиозные вопросы, а честный, по их мнению, раздел частновладельческих земель «поровну». С начала лета 1917 г. военные священники стали массово просить отставки [Шавельский, 1996, 278; Революционное движение, 139].

После отречения Николая II призыв «За веру, царя и Отечество!» в значительной мере утратил для солдат актуальность. Царя уже не было, вера, если она когда-то и была, то весьма поверхностной, оставалось Отечество, но его воспринимали в основном

как еще не поделенную господскую землю. После трех лет войны солдату сложно было объяснить ее геополитические задачи, за которые никто не хотел идти в бой [Честертон, 1991, 180]. История свидетельствует о том, что подвижническое служение, личные подвиги и не единичные жертвы среди военного духовенства не предотвратили развал российской армии в ходе Первой мировой войны, не загормосили они и революционную пропаганду, которая привела Российское государство к катастрофе. Поражение в войне и дезинтеграция политической системы не могут не накладывать отпечатка на оценку действия всех, кто пытался их сохранить и поддержать. Винить во всем этом военное духовенство, конечно же, нельзя: служа на пределе своих возможностей, а нередко и за их пределами, они наставляли и вдохновляли воинов, врачевали души.

Их служение пришлось на самое сложное время в российской церковной истории — быстрого расцерковления русской жизни, которому попустительствовало государство, не готовое к вызовам наступившего XX в., уверенное в незыблемости самодержавия, государства и народной веры в Бога. Голоса священников, радеющих за веру и государство, чаще всего тонули в верноподданных рапортах о повсеместном благополучии.

В начале войны военное руководство предпочитало не видеть кризиса, считая излишним усиление просветительской деятельности военного духовенства. Официально считалось, что «христоролюбивое воинство» по-прежнему является надежной опорой.

Заключение

Итак, с большим опозданием к Первой мировой войне были формализованы полномочия военных священников, оформился сам институт военного пастырского служения. В то же время ни военное духовенство, ни военное руководство перед Первой мировой войной не имели никакой согласованной между собой и отвечающей требованиям времени, настроениям масс и ситуации в мире концепции воспитательной и патриотической работы с личным составом.

Действуя по своей глубокой вере, чувствуя ответственность за духовное состояние солдат и офицеров, русские военные священники на фронтах войны проявляли личную храбрость, многие были награждены боевыми наградами за героизм, многие погибли. В то же время они не могли переломить негативного развития ситуации на фронтах, которая усугублялась ситуацией в тылу. Виной тому не только объективные социально-экономические причины, слабость власти и верховного командования, но и военный бюрократизм, недооценка командирами роли военного священника, ограничения, а нередко и препятствия для его службы. Запрет на политические беседы с личным составом связал военных священников руки в деле противодействия радикальной социалистической пропаганде. С Февральской революции положение и авторитет священников в армии были подорваны, и они фактически, хотя и не по своей воле и не по своей вине, утратили возможность влияния на ситуацию в воинских частях. Кроме того, официальная позиция Церкви состояла в продолжении войны, что противоречило настроениям солдатской массы и большинства населения и вызывало озлобление против священников, разочарование в вере. В целом опыт, полученный русскими военными священниками в годы Первой мировой войны, ставшей первым глобальным вооруженным конфликтом, показателен и ценен для современной практики работы с личным составом. Институт военного духовенства в российской армии был ликвидирован по политико-идеологическим причинам советской властью 16 января 1918 г., тогда же из армии были уволены все священники. Приказ Наркомата по военным делам № 39 от 16 января 1918 г., по сути, лишь формализовал явочный порядок изгнания священников из войск по решениям полковых комитетов. В то же время институт с аналогичными (применительно к новой государственной идеологии) функциями был воссоздан советской властью в виде комиссаров-политруков.

Источники и литература

1. Балوشина, Цветков (1997) — *Балوشина Н., Цветков И.* Из истории православия в Российской армии и флоте // Клио. 1997. № 2.
2. Беляков (2008) — *Беляков А. П.* История православного духовенства военного флота России и его роль в системе воспитания военнослужащих. СПб., 2008.
3. Букалова (2006) — *Букалова С. В.* «Сухой закон» и «пьяные бунты» августа 1914 г.: реализация политики трезвости в контексте культурной антропологии. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/b/sukhoi-zakon-i-p-ianyie-bunty-avghusta-1914-gh-rializatsiia-politiki-triezvosti-v-kontiektstie-kul-turnoi-antropologhii> (дата обращения: 17.08.2020).
4. Горянов (2014) — *Константин (Горянов), архиеп.* Не разлучившись с паствой»: подвиг русского православного духовенства в Первую мировую войну 1914–1918 гг. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 64–101.
5. Деникин (2002) — *Деникин А.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. Минск: Харвест, 2002.
6. Епанчин (1996) — *Епанчин Н.* На службе трех императоров: Воспоминания. М.: Наше наследие; Полиграфресурсы, 1996.
7. Залесский (1995) — *Залесский П.* Грехи старой России и ее армии // Философия войны. М.: Анкил-воин; Российский военный сборник, 1995.
8. Ермаков (1994) — *Ермаков В.* Деятельность военного духовенства в русской армии в период Первой мировой и гражданской войн: Дип. р. Жировичи, 1994.
9. Капков (2012) — *Капков К. Г.* Священники кавалеры императорского военного ордена св. великомученика и победоносца Георгия. М.; Белгород, 2012.
10. Кострюков (2005а) — *Кострюков А. А.* О некоторых условиях служения военного духовенства в годы Первой мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2005. № 1. С. 24–44.
11. Кострюков (2005б) — *Кострюков А. А.* Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2 (31). С. 143–198.
12. Краснов (1999) — *Краснов П.* Военная служба в мирное и военное время // Военная мысль в изгнании: Российский военный сборник. Вып. 16. М.: Военный университет; Русский путь, 1999.
13. Правительственный вестник — Правительственный вестник. 1914. № 161.
14. Новиков (1992) — *Новиков В. С.* Армия и Русская Православная Церковь // Военная мысль. 1992. № 4–5.
15. Леонтьева (2014) — *Леонтьева Т. Г.* Православное духовенство в годы Первой Мировой войны // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 104–119.
16. Митрофанов (2017) — *Митрофанов Г., прот.* Иоанн Кочуров: миссионер и первомученик: 100 лет назад первый священник стал жертвой большевиков // Журнал Московской Патриархии. 2017. Ноябрь. С. 60–69.
17. Первый Всероссийский съезд (1914) — Извлечения из трудов Первого Всероссийского съезда военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 15–16.
18. Поляков (2002) — *Поляков Г., прот.* Военное духовенство в России. М.: ТИ-ИЦ, 2002.
19. Росляков (1914) — *Росляков И., свящ.* К забытому вопросу // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 24.
20. Рункевич (1916) — *Рункевич С. Г.* Распоряжения и действия Священного Синода в 1914–1915 гг. Пг., 1916.
21. Священный Собор — Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Пг.: Изд. Соборного Совета, 1918. Кн. III.
22. Священный Собор (1918) — Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. М., 1918. Т. 5. С. 6–11.

23. Туркестанов — *Трифон (Туркестанов), митр.* Проповеди и молитвы: Материалы к жизнеописанию. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 147–148.
24. Устав внутренней службы (1916) — Устав внутренней службы. Пг., 1916.
25. Филиппов — *Филиппов В.* Верным в бранях помогающая. URL: <https://pravoslavie.ru/73673.html> (дата обращения: 17.08.2020).
26. Фурсов, Ледовских (2014) — *Фурсов В. Н., Ледовских Е. А.* Военное духовенство в начале XX века // Берегиня. 2014. № 1 (20). С. 62–65.
27. Честертон (1991) — *Честертон Г.* Вечный Человек. М.: Политиздат, 1991.
28. Чимаров (1998) — *Чимаров С.* Религиозно-нравственное воспитание в русской армии. Мысли. Изречения. Исторический опыт. СПб, 1998. С. 136–137.
29. Шавельский (1996) — *Шавельский Г., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.